

М.С. КУРБАК

ЮАР 1960–1990-х годов

В РОМАНАХ НОБЕЛЕВСКОГО ЛАУРЕАТА Дж.М. КУТЗЕЕ

В 1960–1980-е годы ЮАР была для нас закрытой страной. Никто из СССР в Южной Африке тогда не бывал (консульство СССР в Южно-Африканском Союзе было закрыто еще в 1956 г. по инициативе последнего; дипломатические отношения были восстановлены только в 1992 г.). С середины 50-х до конца 80-х между Южной Африкой и нашим государством не было не только дипломатических и консульских, но и торгово-экономических, научных, культурных связей¹. Конечно, некоторая информация поступала от Организации африканского единства (ОАЕ) и ООН, но она была явно недостаточной. Кроме того, ОАЕ уже на первой своей конференции (1963 г.) требовала исключения ЮАР из ООН. ООН наложила на ЮАР экономические и политические санкции в знак протеста против режима апартеида в этой стране. В южноафриканских СМИ мало кто решался писать правду. Именно поэтому южноафриканская художественная литература того периода так важна как источник по изучению внутренней жизни страны. Тем более что писатель, о котором пойдет речь, известен и признан сейчас как во всем мире, так и в нашей стране, его романы о далекой Южной Африке переведены на русский язык и уже 20 лет издаются многотысячными тиражами.

В России о Кутзее впервые узнали еще в 1989 г., когда вышла первая книга с тремя его новеллами – “В ожидании варваров”, “Жизнь и время Михаэла К.” и “Мистер Фо”. Тираж был огромный даже по тогдашним меркам – 100 тыс. экземпляров. Но еще большую популярность романы Кутзее приобрели после 2003 г., когда он получил Нобелевскую премию по литературе. Каждый год переводили по одной или две его работы, переиздавали их, тиражи становились все больше. С 1999 по 2006 г. были переведены и изданы на русском языке восемь его книг, кроме того, в научных журналах вышли статьи и рецензии на работы Кутзее, а также переводы его нобелевской речи и второго тома его автобиографии под названием “Молодость” (“Youth”, 2002 г.)².

Южноафриканский писатель А. Бринк³ в одной из статей отмечал: “Когда газетам не дозволено писать о том, что происходит, писателям, которые обладают немного большей свободой, чем журналисты, проще взять на себя часть их функций”⁴. Однако

Курбак Мария Сергеевна – дипломница Государственного академического университета гуманитарных наук при РАН.

¹ *Давидсон А., Филатова И.* Опыт консульских отношений между СССР и ЮАР. – Азия и Африка сегодня, 1998, №1.

² *Кутзее Дж.М.* Молодость. – Иностранная литература, 2005, № 10, с. 5–29; № 12, с. 115–190.

³ *Бринк Андре* (род. 1935 г.) – южноафриканский писатель, один из основателей движения “шестидесятников”. Пишет на английском и африкаанс. Автор романов “Слухи о дожде”, “Сухой белый сезон”, “Познание ночи”, “Мгновение на ветру” и многих других.

⁴ Цит. по: *Kossew S.* Pen and Power. A Post-Colonial Reading of J.M. Coetzee and Andre Brink. New York, 1998, p. 180.

Дж.М. Кутзее в романах выступает не просто как “свидетель своего времени”⁵, который переносит реальные события в художественные произведения. Он переосмысливает историю и старается заглянуть через настоящее и прошлое в будущее. “Его романы – аллегория того, что происходит с человеческой расой в постколониальную эру. Они переносят нас из XX в. в новое тысячелетие, когда Западная Европа постепенно теряет свою власть в мире”, – отозвался о его книгах член британского парламента Дж. Кауфман.

Джон Максвелл Кутзее (John Maxwell Coetzee), обладатель Нобелевской премии по литературе 2003 г., первый писатель, получивший Букеровскую премию дважды (1983 и 1999 гг.), родился в 1940 г. в Кейптауне в семье африканеров, выходцев из Голландии. Но в Кейптауне семья Кутзее прожила недолго. Вскоре они вынуждены были переехать в Ворчестер (небольшой город в 90 милях от Кейптауна), поскольку отец писателя потерял в Кейптауне административную работу (“контролера писем”) по политическим причинам: он не поддерживал африканерскую Национальную партию, пришедшую к власти в 1948 г.⁶ В романе-автобиографии “Летняя пора” (2009 г.) Дж. Кутзее вспоминает, с какой ненавистью его отец смотрел на происходящее в Африке вообще и в ЮАР в частности: «“Шуты” – это слово он использовал, чтобы перестать думать о лидерах африканских государств: маленькие тираны, которые только ездят с одного банкета на другой на своих “Роллс-ройсах”, одеваются в пародийную униформу, усыпанную медалями, которыми они сами себя награждают... Казните их всех. Вместе с детьми”⁷. Такое отношение к правительству передалось и Джону. Он учился сначала в Колледже св. Йозефа, потом в католической школе в Рондебоше (небольшом городке недалеко от Кейптауна), а затем изучал математику и искусство в Кейптаунском университете. В 1960 г. после расстрела демонстрации в Шарпевиле, решив, что нужно “убираться отсюда, пока не поздно”⁸, он переезжает в Лондон, где работает несколько лет программистом в “IBM”.

В автобиографии “Молодость” Кутзее постоянно подчеркивает свою аполитичность (или скорее “антиполитичность”, как он сам выражается⁹). В волнениях, вспыхнувших в ЮАР в 1960-е годы, он по сути не становится ни на сторону правительства, ни на сторону Панафриканского конгресса (ПАК) или Африканского национального конгресса (АНК). Во время Кубинского кризиса он, будучи в Лондоне, приходит на митинг протеста против размещения пункта производства ядерного оружия в Олдермастоне (деревушка на юге Англии, графство Беркшир, где находится научно-исследовательский центр атомного оружия), но дает понять, что он только наблюдатель¹⁰. И во время выступления очередного оратора, призывавшего к уничтожению всего атомного оружия в мире, он вдруг ощутил себя Николаем Ростовым на поле под Аустерлицем и так же, как он тогда, подумал, как несправедливо было бы умереть здесь, в Лондоне, от бомбардировок. “Какая ирония! – говорил он себе. – Бежать от африканеров, стремившихся силком затащить его в армию, от черных, собиравшихся загнать его в море, и попасть на остров, который того и гляди обратится в золу! Что же это за мир, в котором он живет? Куда податься, где найти свободу от неистового безумия политиков?”¹¹. В мемуарах он заявляет: “Русские должны вторгнуться в Южную Африку... схватить

⁵ Залесова-Докторова Л. Жизнь Джозефа Максвелла Кутзее. – Звезда, 2004, № 3, с. 135.

⁶ Head D. The Cambridge Introduction to J.M. Coetzee. Cambridge, 2009. – <http://www.cup.cam.ac.uk/catalogue/catalogue.asp?isbn-0521687098>

⁷ Coetzee J.M. Summertime. London, 2009, p. 8.

⁸ Кутзее Дж.М. Молодость, №10, с. 12.

⁹ Coetzee J.M. Summertime, p. 228.

¹⁰ Head D. Op. cit., p. 13.

¹¹ Кутзее Дж.М. Молодость, № 12, с. 142.

Фервурда¹² и взять в плен его близких, выстроить их вдоль стены и расстрелять”. Что будет потом, его мало волновало: “Остальное – это политика, а его не интересовала политика”¹³. Это странное сочетание жестокости и политической наивности выражается и в его личном отношении к Южной Африке: “Южная Африка висела камнем на его шее. Он хотел скинуть его, все равно как, чтобы дышать свободно”¹⁴.

Свой первый рассказ Кутзее, судя по всему, написал в начале 1960-х годов. Из автобиографии: «Действие рассказа происходит в Южной Африке. Он с неудовольствием понимает, что все еще пишет о ней. Он предпочел бы оставить свое южноафриканское “я” позади – как оставил саму Южную Африку. Южная Африка – плохое начало, помеха. Ничем не примечательная сельская семья, дурное образование, язык африкаанс: каждое из этих образующих целое препятствий он более или менее сумел обойти... И напоминания о Южной Африке ему нисколько не нужны. Если завтра из Атлантики накатит приливная волна и смое южную оконечность африканского континента, он не проронит ни слезинки. Он-то останется среди уцелевших»¹⁵. Кутзее стесняется своего прошлого, своих знакомых из Южной Африки и прежде всего ее самой. Такое отношение к родине объясняется еще и проблемой самоопределения, которая волновала его с раннего возраста. Хотя он и родился в Южной Африке, но не мог отнести себя ни к африканерам, ни к англичанам (его родители, вероятно, с большим уважением относились к англичанам, поскольку дома говорили только на английском и Джона отдала учиться в английский, а не африканерский класс школы). В одном из интервью Кутзее заявлял: “Ни один африканер не признал бы меня африканером... В первую очередь, потому что моим первым языком всегда был английский, а не африкаанс... Во-вторых, потому что я никогда не разделял культуру африканеров (я никогда, например, не принадлежал к Реформаторской церкви)”¹⁶. Но, несмотря на эту сложную, постоянно мучавшую его проблему самоидентификации, он неизменно чувствовал на себе вину за деяния и африканеров, и англичан, и белых вообще.

В 1965 г. Кутзее переезжает в США. В Техасском университете он получает степень доктора философских наук, защитив диссертацию, посвященную компьютерному стилистическому анализу работ ирландского писателя, поэта и драматурга С. Бекетта. Затем он преподавал английский язык и литературу в Нью-Йоркском университете. В США он, пожалуй, впервые признался в статье “Как я узнавал Америку и Африку в Техасе” в том, что скучает по Южной Африке: “То, чего мне действительно не хватало – это пустоты, пустоты земли и пустоты неба – того, чем притягивала меня Южная Африка. И еще я скучал по звукам языка, нюансы которого я понимал. У языка, на котором говорят в Техасе, кажется, нет нюансов, а если они есть, я их не слышал”¹⁷. Но о возвращении на родину он не думал.

“ЕДИНСТВЕННАЯ ПРАВДА – ЭТО МОЛЧАНИЕ”

В 1974 г. Кутзее вынужден был покинуть Америку: ему отказали в продлении вида на жительство в связи с его участием в акциях протеста против войны во Вьетнаме. Он возвращается в ЮАР и попадает, как говорится, из огня да в полымя. В Южной Африке в это время – новая волна движения борьбы с режимом апарtheidа. Самыми масштабными из них были выступления рабочих и движение “Черное самосознание”,

¹² Имеется в виду премьер-министр Южной Африки Х. Фервурд (1958–1966) – идеолог официальной доктрины апарtheidа. Убит в 1966 г. Д. Тсафендасом, южноафриканцем греко-португальского происхождения, в парламенте в Кейптауне.

¹³ *Coetzee J.M. Youth*. New York, 2003, p. 100–101.

¹⁴ *Ibidem*.

¹⁵ *Кутзее Дж. М. Молодость*, № 12, с. 128.

¹⁶ *Doubling the Point. Essays and Interviews J.M. Coetzee*. Ed. by D. Attwell. Harvard, 1992, p. 342.

¹⁷ *Coetzee J.M. How I Learned About America — and Africa — in Texas*. — <http://www.nytimes.com/1984/04/15/books/coetzee-texas.html>

сыгравшие решающую роль в восстании в Соуэто в 1976 г. (демонстрация против преподавания в школах на языке африкаанс). Шарпевиль и Ланга в 1960 г., Соуэто в 1976 г., Гугулету в 1986 г., введение чрезвычайного положения, настоящая гражданская война, расколовшая страну, межрасовая ненависть – все это в своеобразной форме нашло свое отражение в романах Кутзее.

Политическая позиция Кутзее после его возвращения в Африку многим казалась непонятной. После того, как правительство выпустило в 1963 г. Акт о публикациях и деятельности, относящейся к сфере развлечений, разногласия и споры в литературных кругах усилились. В 1974 г. была принята поправка к акту, которая еще больше ограничивала писательскую деятельность. Были запрещены работы А. Бринка, Б. Брейтенбаха¹⁸, Э. Леру¹⁹, Н. Гордимер²⁰. “Шестидесятники” (термин на африкаанс, используемый для обозначения конкретной группы писателей 1960-х годов) активно боролись против жесткой цензуры, составляли ходатайства, писали в журналы, участвовали в судебных процессах²¹. В 1975 г. по инициативе Бринка была создана Гильдия писателей на африкаанс. Кутзее же во всех этих событиях участия не принимал. Он продолжал писать только на английском языке, хотя так же совершенно владел и африкаанс.

Выдающийся южноафриканский поэт Н.П. ван Вейк Лоу (N.P. van Wyk Louw) в своем знаменитом письме-протесте против цензуры в 1963 г. писал: «Молодому писателю (в том числе и пишущему на африкаанс) говорят: “Если тебе есть, что сказать, мой мальчик, тогда пиши на английском! А если ты не знаешь его достаточно хорошо, тогда учи его, как это делал Джозеф Конрад²²; но пиши на английском и спаси свою душу!”»²³. Однако вряд ли Кутзее избрал английский языком своих произведений по политическим причинам. Скорее он ему просто больше нравился, чем африкаанс. В романе “Железный век” (1990 г.) автор называет африкаанс грубым языком с “убийственными окончаниями – словно молотом забивают в землю кол”²⁴.

В 1974 г. Кутзее беспрепятственно издает в ЮАР первый роман – “Сумеречная земля”, в котором, на первый взгляд, нет ни прямого протеста против системы апартеида, ни против борьбы черного и “цветного” населения Южной Африки за свои права. Кроме того, цензура, конечно, больше была сосредоточена на уже известных в Южной Африке писателях, враждебно настроенных по отношению к правящей партии. О Кутзее же тогда еще никто не знал. В одном из интервью он прямо говорит: “Я никогда не обладал такой популярностью, чтобы привлекать особое внимание цензуры, как это было с Андре Бринком или Атолем Фугардом²⁵, Надин Гордимер или

¹⁸ *Брейтенбах Брейтен* (род. в 1939 г.) – южноафриканский поэт, в конце 1959 г. покинул Южную Африку и жил в Париже. Известен также как переводчик нескольких пьес Шекспира на язык африкаанс.

¹⁹ *Леру Этьен* (1922–1989) – один из представителей поколения “шестидесятников”. Его романы “Ди Мугу” (откровенный рассказ о проблемах детской преступности) и “Семь дней среди зильберштейнцев” (о проблемах расовой дискриминации) вызвали бурю негодования официальной прессы.

²⁰ *Гордимер Надин* (род. в 1923 г.) – южноафриканская писательница, лауреат Нобелевской премии 1991 г. по литературе, “которая своим великолепным эпосом принесла огромную пользу человечеству”.

²¹ *Никитина Е.А.* Современный короткий рассказ в литературе Южной Африки во второй половине XX в. на языке африкаанс (на примере рассказов А. Бринка и Й. ван Никерка). Рукопись дипломной работы, с. 9.

²² *Конрад Джозеф* (1857–1924) – английский писатель, автор знаменитых романов “Изгнанник”, “Лорд Джим”, “Тайный агент”, повести “Сердце тьмы”.

²³ *Switching Languages. Translingual Writers. Reflect on Their Craft.* Ed. by Steven G. Kellman. Lincoln, 2003, p. 208.

²⁴ *Кутзее Дж.М.* Железный век. СПб., 2005, с. 17.

²⁵ *Фугард Анатолий* (р. 1932 г.) – известный южноафриканский драматург.

Этьеном Леру... Кроме того, мои книги слишком неконкретны, слишком изысканны для тех методов цензуры, которые использовались”²⁶.

“Единственная правда – это молчание”²⁷, – сказал Кутзее в одном из своих интервью. Позже, в книге “Элизабет Костелло” (2003 г.), Кутзее снова возвращается к теме молчания. Его героиня, тоже писательница из Южной Африки, должна выступать на собрании теологов и философов по теме “Молчание, соучастие в преступлении и вина?”. Накануне она читает книгу, в которой детально описывается казнь неудавшихся убийц Гитлера. Книга возмущает ее: “Непристойность! – хотелось ей закричать... Непристойность, потому что такие вещи не должны иметь место, а если они имели место, то их не следует выставлять напоказ, их следует скрывать, прятать навсегда в недрах земли, подобно тому как это делается на бойнях во всем мире, – если, конечно, человек хочет сохранить здоровой свою психику”²⁸. Кутзее поднимает вопрос “моральности” раскрытия исторических фактов – проблему, стоящую, пожалуй, перед каждым историком и писателем. Стоит ли описывать все, чему ты был свидетелем или стоит “жалеть” своих читателей, выбирая лишь факты, которые не повредили бы их психике? Кутзее, по-видимому, выбрал для себя второе. Тем не менее нельзя обвинять Кутзее в замалчивании реального положения в его стране. Он действительно не воспроизводит исторические события как их свидетель, он как художник переосмысливает их, перевоплощает. “Правда – это что-то, что приходит в процессе написания или от процесса написания”²⁹, – считает писатель.

В романе “Жизнь и время Михаэла К.” (1983 г.) главный герой, полуидиот с заычей губой, пытается довести свою умирающую мать до фермы в районе Принц-Альберта, места, где прошло ее детство. Но в стране беспорядки: действует чрезвычайное положение (на самом деле оно было объявлено в ЮАР через два года после написания романа – в 1985 г. – и действовало до 1990 г.), комендантские часы, посты охраны в каждом населенном пункте, им не удастся получить пропуск для легальной поездки в Принц-Альберт. И вот Михаэль сажает мать в садовую коляску и везет ее сам. В пути она умирает, ее кремируют, и дальше он везет ее прах. Интересно, что Михаэл К. – единственный не белый главный герой романов Кутзее (правда в русском переводе эти данные по каким-то причинам не отразились; тем не менее в оригинальном тексте Кутзее приводит карточку, заполненную Михаэлем, когда умерла его мать: “Michael Visagie – CM – 40 – NFA – Unemployed”³⁰, где “CM” (Coloured Male) – “цветной мужчина”), именно поэтому его задевают все события, происходящие в стране. Но он не хочет в них участвовать. Он добирается до Принц-Альберта, селится на заброшенной ферме и пытается отгородиться от этой страны, от этой войны, от мира вообще.

Само название книги говорит о том, что для Михаэла его жизнь и его время – это разные понятия и категории, он не хочет их связывать между собой. Но можно ли убежать от политики, от жизни? Нет, отвечает Кутзее. Жизнь жестока, от нее нельзя просто укрыться: солдаты, повстанцы, полиция, дезертиры, карательные отряды, трудовые и исправительные лагеря – хаос, который царит в ЮАР, идет за ним по пятам. В итоге он приходит к довольно странному и трагическому выводу: “Может быть, счастье в том, чтобы просто не попасть в лагерь, ни в один из этих лагерей?”³¹.

Все персонажи романов Кутзее – “маленькие люди”, не герои, не смельчаки, не личности, “делающие историю”, а те, кто вынужден жить с этой историей, мириться с ней, даже не желая того. Такова и главная героиня романа “Железный век”. Пре-старелая одинокая женщина, умирающая от рака и вынужденно оказавшаяся в самом эпицентре борьбы черных за власть в ЮАР. Эта книга – интереснейший источник по

²⁶ Doubling the point, p.298.

²⁷ Ibid., p. 286.

²⁸ Кутзее Дж.М. Элизабет Костелло. СПб., 2004, с. 223.

²⁹ Doubling the point, p.18.

³⁰ Coetzee J.M. Life and Times of Michael K. London, 1983, p. 96.

³¹ Кутзее Дж.М. Жизнь и время Михаэла К. М., 1989, с. 347.

истории этой страны в 1960–1980-е годы. В ней Кутзее впервые открыто нарушает собственный “обет политического молчания”. Роман отражает ситуацию в Южно-Африканской республике в 1986–1989 гг. Кутзее активно использует в произведении два незабвенных слогана этого периода: “сначала освобождение, потом обучение” (“liberation before education”) и “свобода или смерть” (“freedom or death”). Формально центральным событием романа является восстание в Гугулету, которое произошло в 1986 г. Гугулету – тауншип (город, где проживают только темнокожие африканцы) в 15 км от Кейптауна. Основная часть его населения говорит на языке коса. 3 марта 1986 г. в Гугулету полиция расстреляла семерых молодых африканцев, членов “Копья нации” (Umkhonto we Sizwe), боевого крыла АНК, “семерку из Гугулету” (“Gugulethu seven”). По заявлению властей эти парни собирались напасть на автобус с полицейскими, которые и открыли по ним огонь.

Однако в романе Кутзее все иначе. В Гугулету – настоящее восстание, город горит, люди в панике, дома полны трупов совсем еще молодых людей. Совершенно очевидно, что в описании событий соединились впечатления Кутзее о предыдущих демонстрациях, свидетелем которых он был. Он повествует “из сердца страны” о том, что творится в ней на самом деле: “О том, что происходит в школах, молчит радио, молчит телевидение, молчат газеты. В мире, который они показывают, счастливые дети по всей стране сидят за своими партами и узнают, чему равен квадрат гипотенузы и что попугаи обитают в джунглях Амазонки. О событиях в Гугулету я могу судить только по тому, что знаю от Флоренс (служанки. – *М.К.*) и что вижу, стоя на балконе и глядя на северо-восток; к примеру, что сегодня Гугулету не горит или, если и горит, то не очень сильно. Страна все время тлеет”³².

Кутзее смотрит на эти движения черного населения Южной Африки прежде всего не с политической и не с идеологической точки зрения, а с общечеловеческой: ему невыносимо жаль молодых людей, погибающих под их лозунгами. «Железный век. За ним следует бронзовый. Как долго, как долго еще ждать, пока вернутся, следуя круговороту, более мягкие эпохи: век глины, век земли? Спартанская матрона с железным сердцем, рожающая воинов для своей отчизны. “Мы гордимся ими”. Мы. Возвращаясь со щитом или на щите». Но, осуждая такой фанатизм черных, Кутзее тут же оговаривается: “Разве мало сейчас белых фанатиков, проповедующих старый режим – дисциплину, работу, повиновение, самопожертвование – режим смерти детям, среди которых многие еще даже не могут завязать шнурки на ботинках? Все это один кошмарный сон! Дух Женевы, торжествующий в Африке!... Кальвин, возродившийся в защитниках догмы, в охотниках за ведьмами и с той, и с другой стороны”³³.

Главная героиня романа, Элизабет, обвиняет политиков Южно-Африканской Республики: “Я смотрела телевизор. Некто из племени министров и замминистров зачитывал обращение к стране. Я осталась стоять, как всегда, когда я их слушаю – чтобы сохранить остатки самоуважения (кто, когда его расстреливают, захочет сидеть?)”; “Прожить под ними всю жизнь – какое бесчестие! Развернуть газету, включить телевизор – все равно что встать на колени, чтобы на тебя помочились”³⁴. Больше всего героиню “Железного века” возмущает, что государство вмешивается в личную жизнь каждого, что от него никак нельзя отгородиться: все граждане находятся под постоянным контролем, под постоянным подозрением. Действительно, после введения чрезвычайного положения обыскам и тюремному заключению подвергались тысячи людей. Большинство – безо всяких серьезных причин. Чрезвычайное положение было объявлено в июле 1985 г., а уже к концу ноября в тюрьмы попали около 16 тыс. человек³⁵. “Обыск только предлог, – рассуждает героиня романа. – Настоящая цель – дотронуться,

³² Кутзее Дж. М. Железный век, с. 57.

³³ Там же, с. 74, 75.

³⁴ Там же, с. 16, 17.

³⁵ Roger B. The History of South Africa. Westport, 2000, p. 176.

замусолить пальцами. Дух злобы”. Ее возмущает то, что служба безопасности без ее ведома приходит и перебирает все ее вещи. “Это мои вещи. Мои, личные”, – говорит она. На что полицейский отвечает, что в этой стране “больше ничего нет личного”³⁶.

“ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ” В РОМАНАХ КУТЗЕЕ

Один из героев романа А. Бринка “Сухой белый сезон”, вернувшись с войны в Анголе, приходит к выводу: “Порядок в этой стране (в ЮАР. – М.К.) держится только потому, что нам всем наплевать на нашу совесть”³⁷. Борьба белых расистов, десятилетиями правивших страной с черным большинством, живущим в ней изначально и теперь требующим власти, наталкивала Кутзее на размышления об “исторической вине” его народа. Эта тема проходит так или иначе через все работы Кутзее. «Разве моя вина, – говорит главная героиня “Железного века”, – что нынешнее время покрыло себя позором? Почему именно мне, старой и беспомощной, терзаемой болью, предоставлено одной выкарабкиваться из этой бездны позора? Мне хочется обратить свою ярость против людей, сотворивших это время... Но почему я должна мириться с тем, что моя жизнь все равно выброшена, независимо от того, кто сейчас у власти в этой стране? Она вторгается в жизнь человека, потому что такова ее природа»³⁸. Ответственность за жестокое обращение с черными, за “бесчестье” времени и правительства страны, по мнению писателя, ложится на плечи каждого ее гражданина: “Все мы – потерявшие рассудок, одержимые бесами. Когда безумие садится на трон, какой подданный избегнет заразы?”³⁹. Каждый из героев Кутзее оказывается так или иначе в ситуации, когда он вынужден “платить по счетам” истории, отвечать за грехи предков. Кто-то, как героиня “Железного века”, ощущает эту ответственность: “Давным-давно было совершено преступление. Как давно? Не знаю. Но явно раньше 1916 г. Так давно, что я в него родилась. Оно – часть моего наследства, часть меня, а я – его часть. Как и за всякое преступление, за него следует расплата”, – признается она. И добавляет: “Когда я хожу по этой земле, по Южной Африке, мне все время кажется, будто я ступаю по лицам черных”⁴⁰.

Эта же идея есть и в двух других романах – “Бесчестье” (1999 г.) и “В сердце страны” (1977 г.). Обе главные героини, Магда из книги “В сердце страны” и Люси из “Бесчестья”, подвергаются изнасилованию со стороны черных южноафриканцев. Магду насилует ее слуга, Люси – группа черных, живущих недалеко от нее. Обе героини, каким бы потрясением и унижением для них это не было, смиряются с этим, каждая по-своему: слуга Магды становится ненадолго ее любовником, Люси готова родить ребенка от насильников и стать женой человека, просто готового дать ей и ребенку защиту. Отец Люси не может понять ее действий, тогда она ему объясняет все произошедшее так: “Что если... что если такова цена, которую необходимо заплатить, чтобы остаться здесь?... Почему мне должны позволить жить здесь, ничего не заплатив?”⁴¹. Она поражается той ненависти, которую к ней испытывали те трое: “Почему они меня так ненавидели? Я и не встречала их никогда”. И сама себе отвечает: “Это история говорила через них. История зла... Наследие предков”. Те же вопросы мучают и Магду: “Почему ты так меня ненавидишь?”, – спрашивает она своего слугу, а затем сама приходит к выводу: “Страсть, которую он выказал по отношению ко мне, – это страсть злости”. Получается, обе героини расплачиваются за зло, которое совершили не они, а их далекие предки. Магда осознает это и внутренне протестует: “Я не просто одна из белых, я – это я! Я – это я, а не другие. Почему я должна платить за грехи других?”⁴².

³⁶ Кутзее Дж.М. Железный век, с. 259, 264.

³⁷ Бринк А. Слухи о дожде. Сухой белый сезон. Романы. М., 1982, с. 139.

³⁸ Там же, с. 177.

³⁹ Там же, с. 159.

⁴⁰ Кутзее Дж.М. Железный век, с. 251, 191.

⁴¹ Кутзее Дж.М. Бесчестье. М., 2001, с. 212.

⁴² Кутзее Дж.М. В сердце страны. М., 2005, с. 240, 242.

В одном из интервью Кутзее сказал: “В последние 40 лет Южная Африка оказалась страной с огромным моральным долгом. И жителям пришлось открыть глаза и это увидеть”. Этот “моральный долг”, по-видимому, долг белых перед черными, именно его и вынуждены отдавать Магда и Люси. Сам же Кутзее считает, что, «когда ты живешь в “позорные” времена, этот позор ложится и на тебя, позор ложится на каждого, и ты должен просто нести его, это твоя судьба и твое наказание»⁴³.

Уже в первой его книге “Сумеречная земля” слышны отголоски жарких споров, которые начались в Африке еще с 1960-х годов. Необходимы ли цивилизационные ценности “варварам”? Нужна ли африканцам европейская культура и политическая система? Кому принадлежит будущее Южной Африки и мира вообще? Идет “переосмысление” исторического опыта континента, его истории, особенно в колониальный период. В 1957 г. французский писатель и социолог А. Мемми пишет знаменитую книгу “Портрет колонизируемого на фоне портрета колонизатора” с предисловием Ж.-П. Сартра, в 1960 г. выходит скандально известная работа Ф. Фанона “Проклятьем заклейменные”, в 1970-е – двухтомная “Оксфордская история Южной Африки” (“Oxford History of South Africa”). К теме переосмысления прошлого Кутзее обращается во второй части “Сумеречной земли”, которая представляет собой рассказ Якобуса Кутзее, голландского путешественника и охотника на слонов.

Колонист Якобус Кутзее (дальний родственник самого писателя⁴⁴) путешествует по Африке в 1760 г., он попадает к племенам готтентотов⁴⁵, которые его выхаживают во время болезни. Но готтентоты, по определению, враги для Я. Кутзее: они не принадлежат к его религии, у них другая культура, другие традиции. Чувство собственного доминирования над другими только по праву рождения, невосприимчивость другого, тупики “диалога культур” и корни человеческой жестокости – вот главные темы как “Сумеречной земли”, так и более поздних романов Кутзее. “Пропасть, которая отделяет нас от готтентотов, это христианство. Мы христиане, народ с предначертанной судьбой. Они тоже принимают христианство, но их христианство – пустой звук”, – заявляет главный герой. Якобуса раздражают даже самые обычные миролюбивые ритуалы (танцы у костра по вечерам), он в бешенстве избивает до смерти ребенка, укравшего его одежду пока он купался... И оправданием его поведению всегда служит то, что он европеец, а значит, он выше и лучше этих “варваров”: “Я забыл про ужасы, которые жизнь общины готтентотов являет душе цивилизованного человека”⁴⁶, – признается он себе.

Истоки критики Кутзее уходят своими корнями не только в идеологические споры 1960–1970-х годов о колониальном прошлом Африки, но и в тогдашнюю ситуацию в США, где он жил до 1974 г. Война во Вьетнаме открыла спор об американской стратегии насильственного распространения демократии в мире, поставила вопрос ее необходимости, живучести в условиях “третьего мира”. “Любая территория, по которой я шагаю со своим ружьем, теряет связь с прошлым и обращается в будущее”⁴⁷, – заявляет голландский колонист. Кутзее же ясно дает понять, что он против любого насильственного навязывания как культурных ценностей, так и политической системы. Более того, он считает это позором для нации, которая совершает такое, позором, который ложится на каждого гражданина и который можно смыть только кровью. Рассуждая об уже современных политических деятелях США, ведущих ту же политику, он пишет: “Невозможно поверить, что в сердцах некоторых американцев зрелище, когда честь их страны втоптывается в грязь, не рождает мысли о смерти. Невозможно поверить, что никто еще не строил планы убить этих преступников, занимающих высшие по-

⁴³ Coetzee J.M. *Diary of a Bad Year*. New York, 2008, p. 96.

⁴⁴ Atwell D. *South Africa and the Politics of Writing*. Los Angeles (CA), 1993, p. 37.

⁴⁵ Готтентоты – этническая общность на Юге Африки. Сейчас населяют Южную и Центральную Намибию, отдельные группы живут также в ЮАР.

⁴⁶ Кутзее Дж.М. *Сумеречная земля*. СПб., 2005, с. 149.

⁴⁷ Там же, с. 168.

сты”⁴⁸. Но такой же позор, по мнению Кутзее, лежит и на его собственном народе – африканерах и на белых вообще. «Мы убиваем этих людей, словно выбрасываем мусор, – признается героиня “Железного века”, – но в конечном счете это нам не стоило жить на свете»⁴⁹. В романе “Дневник плохого года” (2007 г.) Кутзее пишет и о чувстве собственной вины: “Поколение белых южноафриканцев, к которому я принадлежу, и два следующих за ним поколения будут всю жизнь нести на себе бремя позора за преступления, совершенные во имя них”⁵⁰.

Проблема противостояния “цивилизованного” мира и “варваров” продолжается и в книге “В ожидании варваров” (1980 г.) – пожалуй, самом интересном, самом спорном и самом известном романе Кутзее. Американский историк С. Клингман назвал произведение попыткой “увидеть настоящее глазами будущего”⁵¹.

Действие происходит в маленьком городке на границе некой империи. Определить, где находится эта империя, невозможно: сначала мы видим пустыню, потом там же идет снег, дождь. Основной сюжет книги сводится к следующему: в империи проходит слух, что варвары готовят поход на нее, в городок прибывает с инспекцией глава третьего отдела полковник Джолл, который организует карательные экспедиции против варваров, захватывает каких-то случайных людей, дающих нужные показания под страшными пытками. Фигуре полковника Джолла противопоставляется судья, он изначально не верит во все слухи: “Мои собственные наблюдения подсказывали, что каждые 30–40 лет слухи о варварах непременно вызывают всплеск истерии”⁵². Кутзее поднимает вопрос причастности человека к истории своих предков и политики государства, в котором он живет. Так, вначале судья говорит себе: “Я должен доказать, что между мною и полковником Джоллом лежит пропасть! Я не желаю страдать за содеянные им преступления!”⁵³. Но в конце романа герой осознает, насколько он ошибался раньше: “Хотя мне нравилось думать иначе, я вовсе не был таким добродушным любителем удовольствий, прямой противоположностью холодному и жестокому полковнику Джоллу. Я был олицетворением лжи, которой Империя тешит себя... Я и он — две ипостаси имперского правления, не более того”. Итак, судья, как и герои предыдущих романов Кутзее, приходит к выводу, что за все грехи прошлых поколений отвечать будет и он: “Я старался жить вне истории. Вне той истории, которую Империя навязывает своим подданным, даже заблудшим. Я ведь вполне искренне не хотел, чтобы бремя истории легло на плечи варваров”⁵⁴. Некоторые исследователи видят в описанных Кутзее событиях прежде всего южноафриканский контекст. В частности, ему приписывают своеобразное предсказание скорого перехода власти от белых к черным в ЮАР.

“Чем, по-вашему, эти варвары недовольны?” – спрашивает один из воинов имперской армии судью. “Они хотят, чтобы мы прекратили заселять их земли. Хотят, чтобы, в конечном счете, их земли вернулись к ним... Мы считаем эти места своими, частью нашей Империи – наша застава, говорим мы, наш город, наш торговый центр. Но они, эти варвары, считают иначе. Мы живем здесь уже более ста лет, мы потеснили пустыню и построили оросительные сооружения, мы разбили здесь поля, возвели крепкие дома, окружили город стенами, но они все равно считают, что мы здесь в гостях, временно...”

– Но мы отсюда не уйдем никогда, – спокойно говорит молодой человек.

– Вы уверены?”⁵⁵.

⁴⁸ Coetzee J.M. *Diary of a Bad Year*, p. 40.

⁴⁹ Кутзее Дж.М. Железный век, с. 158.

⁵⁰ Coetzee J.M. *Diary of a Bad Year*, p. 44.

⁵¹ Clingman S. *Novels of Nadine Gordimer*. University of Massachusetts Press, 1992, p. 202.

⁵² Кутзее Дж.М. В ожидании варваров. СПб., 2004, с. 16–17.

⁵³ Там же, с. 74.

⁵⁴ Там же, с. 254.

⁵⁵ Там же, с. 83–86.

И действительно, уже через 10 лет белые были вынуждены отказаться от своего господства в Южной Африке. Но, пожалуй, тут не только об Африке речь. Мир, построенный на господстве белого человека, зашатался. На смену евроцентризму приходит афро- и арабцентризм, белому расизму – черный, колониальной истории – выплата за нее “компенсаций”. И вот уже Америку возглавляет темнокожий президент. Кутзее в интервью в 1996 г. говорил: “Люди живут на вулкане и не осознают этого. Они видят, что мир меняется, и считают, что он должен меняться еще быстрее. Но они не понимают, что изменения могут унести прочь их и их детей”⁵⁶.

Дж.М. КУТЗЕЕ И “НОВАЯ” АФРИКА

В 1989 г. с приходом к власти Ф. де Клерка ситуация в ЮАР значительно изменилась. Де Клерк взял курс на постепенный демонтаж апарtheidа, на привлечение африканцев к управлению страной. В 1990 г. он освободил из тюрьмы Нельсона Манделу и легализовал АНК и ПАК. Вместе с Манделой они разработали новую конституцию ЮАР. После первых демократических выборов 1994 г. власть в стране перешла к Манделе и его партии АНК. Переход власти от белых к черным – революция, по сути – прошла удивительно тихо. Никаких кровавых столкновений, массовых поджогов, протестов, убийств. В этом, конечно, была огромная заслуга Манделы, который, выйдя из тюрьмы, встретился с тремя президентами ЮАР, провозглашавшими когда-то режим апарtheidа, с судьей, приговорившим его к пожизненному заключению, и призывал их: “Давайте вместе строить новую Южную Африку!”.

Конечно, от Кутзее, который уже тогда был всемирно известным писателем, обладателем Букеровской премии за роман “Жизнь и время Михаэла К.”, ждали поддержки. Но он, так страстно ненавидевший апарtheid, был разочарован и новой властью. Вместо гимнов в честь создания “нерасового общества” Кутзее пишет свой самый знаменитый роман “Бесчестье”, отразивший “смену ролей” в Африке и в мире, несущую не меньше проблем и трагедий, чем “власть белых”. Чем же Кутзее не понравилась “новая” Африка? Ответ на этот вопрос он дает в своем романе-автобиографии “Летняя пора”. В нем коллега Кутзее объясняет, что он (Кутзее) чувствовал в то время: “Сама борьба была справедливой, но новая Африка, за которую они сражались, была недостаточно утопична для него”. А что же могло быть достаточно утопично? Она отвечает: “Закрытие шахт. Уничтожение виноградников. Разоружение армии. Отказ от использования автомобилей. Всеобщее вегетарианство. Стихи на улице. Такого рода вещи”⁵⁷.

Кутзее и сам признавался, что “смотрел на Африку глазами романтика”⁵⁸, а “в Южной Африке тогда (1990-е годы. – М.К.), – говорил он в одном из интервью, – быть идеалистом, конечно, являлось преступлением”⁵⁹. Трудно поверить, что Кутзее, столько лет проживший в Южной Африке, на самом деле был таким утопистом. Но действительность он воспринимал не как все. Даже в относительно спокойной Южной Африке он видел анархию – пусть не в том виде, что она была во время борьбы против апарtheidа, но все же. Одна из героинь “Бесчестья”, которая собирается уехать из ЮАР, объясняет свой поступок профессору Лури (главному герою романа): “Какой бы ни была ситуация, вы хоть понимали, что к чему... А теперь люди просто выбирают, какие законы они согласны выполнять. Это же анархия. Как тут растить детей, когда кругом сплошная анархия?”⁶⁰. Кутзее, по-видимому, пугал, что теперь приходится жить бок о бок с черными, хотя расистом он никогда не был. Просто он понимал, насколько велика разница между ними. “Он не сочувствовал черным южноафрикан-

⁵⁶ Залесова-Докторова Л. Указ соч., с. 134.

⁵⁷ Coetzee J.M. Summertime, p. 230.

⁵⁸ Ibid., p. 231.

⁵⁹ Doubling the point, p. 145.

⁶⁰ Кутзее Дж.М. Бесчестье, с. 16.

цам... История, или судьба, что было для него одним и тем же, определила им роль наследников земли, но внутри себя он продолжал воспринимать их как оппозицию нам (белым южноафриканцам. – *М.К.*)”⁶¹, – объясняет его коллега.

Необычно воспринял Кутзее и учреждение в 1995 г. Комиссии по восстановлению правды и перемирию (*The Truth and Reconciliation Commission*). Задачей ее было выявление преступлений, совершенных во времена апарtheid как белыми, так и черными и “цветными”. Она была уполномочена не только выносить обвинительные приговоры, но также и давать амнистию в случае, если преступление человека было политически мотивировано, не было очень тяжелым и главное – полностью признавалось обвиняемым. Нужно было раскаться, чтобы получить прощение. Именно это возмущало Кутзее. Никого на самом деле не волновало, что чувствует человек в душе, насколько глубоко его раскаяние – нужно было просто сделать заявление. Он воспроизводит эту ситуацию в “Бесечестве”, когда профессор Лури вынужден оправдываться перед судом Кейптаунского университета за свою связь со студенткой. “Меня призывают просить о прощении независимо от того, искренен я или нет?”, – возмущается он. “Вас не призывают раскаться, – отвечают ему члены комиссии. – Что происходит в вашей душе, для нас, как для членов того, что вы именуете мирским судом, если не для таких же, как вы, человеческих существ, дело темное. Вас просят сделать заявление”⁶².

Кутзее же смотрит на эти заявления глазами другого своего героя – отца студентки: “Мы все, когда нас хватают за руку, просим прощения. Тут мы преисполняемся глубоких сожалений о содеянном. Вопрос же не в том, сожалеем мы или нет. Вопрос в том, какой урок мы извлекли из случившегося. Вопрос в том, что мы станем делать теперь, переполняясь такими сожалениями”⁶³. Именно эти вопросы и волновали Кутзее больше всего: был ли извлечен урок из всего того ужаса, который творился в его стране почти полвека? Попросить прощения и публично покаяться можно, но что будет сделано дальше? Не будут ли повторены те же самые ошибки “новым” поколением? Как оно поступит со своим прошлым? Об этом Кутзее задумывался еще в романе “В ожидании варваров”. Судью мучают те же вопросы: «Лучше всего было бы немедленно завершить эту мрачную главу всемирной истории, – рассуждает он, – лучше всего было бы стереть этих уродов с лица земли и покаяться, что мы начнем все сначала, что мы встанем у кормила Империи, в которой больше не будет несправедливости, не будет страданий... Но этот путь не для меня. В “начать все сначала”, в новые главы и чистые страницы верят новые люди Империи; я же упорно дочитываю старую, уже написанную книгу, в надежде, что, прежде чем я ее захлопну, она ответит мне, почему я когда-то вообразил, что стоит за нее браться»⁶⁴. К счастью, ЮАР все-таки не последовала этим столь привлекательным путем, на который встали отдельные африканские страны после получения независимости.

В 1999 г. Кутзее получил вторую Букеровскую премию за роман “Бесечестве” (в 2009 г. он, впервые в истории, в третий раз был номинирован на Букеровскую премию; его роман “Летняя пора” вошел в шорт-лист, но саму премию все же не получил), а в 2003 г. – Нобелевскую премию за эту же книгу. Академики объяснили свой выбор так: “Романам Кутзее присущи хорошо продуманная композиция, богатые диалоги и аналитическое мастерство. В то же самое время он подвергает все сомнению, подвергает беспощадной критике жестокий рационализм и искусственную мораль западной цивилизации. Он интеллектуально честен и пытается решить, что правильно, а что неправильно, его терзают муки выбора действия и бездействия”⁶⁵. Критики во всем мире называли роман “шедевром”, “к которому практически невозможно придраться”,

⁶¹ *Coetzee J.M.* Summertime, p. 232.

⁶² *Кутзее Дж.М.* Бесечестве, с. 81.

⁶³ Там же, с. 231.

⁶⁴ *Кутзее Дж.М.* В ожидании варваров, с. 43.

⁶⁵ http://ru.wikipedia.org/wiki/Дж._Кутзее

“честным и свободным криком боли”⁶⁶. В ЮАР, однако, роман восприняли совсем иначе.

“Южной Африке не нужен знаменитый писатель, создающий столь мрачную картину страны в это время”⁶⁷, – так отзывались о Кутзее на его родине. На публичных чтениях по вопросу расизма АНК публично обвинил автора в том, что он в своем романе “Бесчестье” продемонстрировал, “настолько грубо, насколько он только мог, восприятие белым человеком черного после падения режима апартхеида” и что писатель якобы намекал на то, что при новом режиме “белые потеряют свою власть, оружие, собственность, права, достоинство”, поскольку “теперь белые женщины будут обязаны спать с черными мужчинами-варварами”⁶⁸. Его соотечественница Н. Гордимер тоже отмечала: «В романе “Бесчестье” нет ни одного черного, который был бы действительно человеческим». И добавила: “Если это (то, что описано в романе. – М.К.) единственная правда, которую он нашел в пост-апарtheidной Южной Африке, то мне действительно очень жаль его”. Ее поддержал и южноафриканский поэт и писатель К. ван Вик (Chris van Wyk)⁶⁹.

С 2002 г. Кутзее все больше времени проводил в Австралии, а в 2006 г. переехал туда окончательно, получив австралийское гражданство. Причины своего решения он, конечно, никому не объяснял, но его поступок широко обсуждался как в самой Южной Африке, так и за ее пределами. «Почему писатель, так страстно рассказывающий о своей родине, вдруг собирает вещи и уезжает? Является ли его переезд и получение австралийского гражданства изменой родине или просто ответом стране, чье новое правительство объявило его знаменитый роман расистским? Или это просто еще один пример “утечки” из страны белой южноафриканской интеллигенции после падения режима апартхеида? Или косвенное доказательство того, что Кутзее исчерпал “южноафриканский материал”?»⁷⁰, – вопрошал “Нью-Йорк таймс”. На торжественной церемонии получения гражданства Кутзее сказал, что переехал в эту страну, так как “еще во время первого визита в 1991 г. был очарован свободой и доброжелательностью австралийцев, красотой самой страны и величием Аделаиды, чьим жителем он теперь имеет честь являться”⁷¹.

Но Кутзее и вдали от Южной Африки, несомненно, дитя этого времени и этой страны, она – часть него, как бы он ни старался от нее отгородиться. Самые лучшие его романы написаны о Южной Африке, о ее истории, пусть и трагической. Кутзее называет ЮАР “страной, у которой нет героев”, “страной, которая выпивает реки крови и никак не насытится”, “старой, злой собакой, которая улеглась на пороге и не спешит умирать”⁷². Но, несмотря на это, вдали от нее он и сейчас болезненно воспринимает все ее проблемы. В романе “Дневник плохого года” он признается: «На протяжении многих лет, когда Кейптаун был моим домом, я думал о нем как о “своем” городе не только потому, что я там родился, но больше потому, что знал историю этого места достаточно хорошо для того, чтобы видеть прошлое в каждом его палимпсесте. Но для банд молодых черных парней, которые сегодня бродят по улицам Кейптауна в поисках приключений, это “их” город, а я теперь чужой»⁷³.

История в романах Кутзее – не просто отражение реальных событий, происходивших в Южной Африке в 1960–1980-е годы. Это скорее его собственные размышления

⁶⁶ Donadio R. Out of Africa. – The New York Times, 16.XII.2007.

⁶⁷ Piding A. Coetzee, Writer of Apartheid As Bleak Mirror, Wins Nobel. – The New York Times, 3.X.2003.

⁶⁸ Donadio R. Op. cit.

⁶⁹ Ibidem.

⁷⁰ Ibidem.

⁷¹ J.M. Coetzee becomes an Australian citizen. – <http://www.mg.co.za/article/2006-03-06-jm-coetzee-becomes-an-australian-citizen>

⁷² Кутзее Дж.М. Железный век, с. 94, 105.

⁷³ Coetzee J.M. Diary of a Bad Year, p. 104.

о том, что происходит в его стране и в мире вообще. В эссе “Роман сегодня” (1988 г.) он пишет: “Я повторяю элементарный и довольно очевидный вывод, к которому я пришел: история – это не реальность; история – это вид рассуждения”⁷⁴. В романе “Дневник плохого года” Кутзее пытается вдали от ЮАР, в современных условиях еще раз обдумать существовавший в Южной Африке режим апартхеида. И неожиданно приходит фактически к его частичному оправданию. Он пишет: “Рейды черных были вечно ноющей раной на теле правителей колонии, раной, грозящей перерасти в замкнутый круг репрессалий, где действует кровная месть, – и в итоге превратиться в открытую войну. То, что потом было названо апартхейдом, было новым, придуманным обществом ответом на практику, с которой не могли справиться поколения вооруженных фермеров”. Но, конечно, Кутзее не забывает и о последствиях этой системы: “Создание границ сделало восходящей социальную мобильность для черных, и нисходящей для белых, заморозило классовый и расовый антагонизмы; охрана этих границ обернулась невероятными затратами и созданием в государстве бюрократического аппарата, подобно щупальцам”⁷⁵.

“Люблю Отчизну я, но странною любовью...”, – писал М.Ю. Лермонтов. То же можно сказать и об отношении Кутзее к Южной Африке. Он раскрывает для нас самые неизвестные, самые трудные для понимания страницы ее истории. В одном из интервью Кутзее сказал: “Я стараюсь оставаться свидетелем времени”⁷⁶. История в романах Кутзее беспощадна ко всем: бедным, старым, больным, женщинам и детям. Герои его романов стремятся к обычным человеческим ценностям: к гармонии, миру, любви, свободе – они хотят “жить вне истории”. Но вместо этого они проходят трудовые лагеря, аресты, голод, их обыскивают, разрушают их дома, убивают их родных – все кошмары Южной Африки времен апартхеида раскрываются через судьбы обычных людей. Кутзее позволяет нам заглянуть в душу другого человека, погрузиться на время в его мир – не это ли самое интересное? Он описывает “повседневные” трагедии, знакомые каждому: одиночество, душевные терзания, проблема выбора между добром и злом, страх, ревность – и все это на фоне трагедий исторического масштаба.

Надо отдать Кутзее должное за то, что он выступает против националистических настроений среди собственного народа, а это всегда значительно труднее, чем перекладывать вину за происходящее на кого-нибудь другого. Он чувствует лично на себе всю тяжесть “бесчестия” своих предков, ответственность за их преступления. Такое чувство “исторической вины” было вовсе не характерно даже для южноафриканской африканерской интеллигенции. В романе А. Бринка “Слухи о дожде” африканер Бернард встает на сторону черных, объясняя в суде: “Для того, чтобы выжить в Южной Африке сейчас, как никогда ранее, необходимо открыть глаза и прислушаться к собственной совести... Я мог бы извлекать выгоду из своего положения, пока оно существует. Или же я мог встать на путь полного бездействия. Но я мог сделать и другой выбор: обрести свою свободу, свободу мыслящего и чувствующего человека, отказавшись ради свободы других от всего, что я мог бы получить не за свои личные заслуги, а по праву рождения, – а это и есть своего рода рабство. Ибо никто так не угнетен, как сам угнетатель”⁷⁷. Конечно, Кутзее не встал на сторону черных, как не встал и на сторону белых расистов. Он выбрал путь “свободы мыслящего и чувствующего человека”, трезво и критично смотрящего на происходящее вокруг него.

⁷⁴ Цит. по: Atwell D. Op. cit., p. 17.

⁷⁵ Coetzee J.M. Diary of a Bad Year, p.105, 106.

⁷⁶ Залесова-Докторова Л. Указ. соч., с. 135.

⁷⁷ Бринк А. Указ. соч., с. 140–141.